

МИЛА РАШ

МАЛИНОВОЕ ЛЕТО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мила Раш

Малиновое лето

«Автор»

2026

Раш М.

Малиновое лето / М. Раш — «Автор», 2026

Я всегда была "хорошей девочкой". Пока не приехала в Малиновку. Один взгляд татуированного пасечника Вадима — и все внутри меня загорелось. Его руки в меде, грубый голос, голодные глаза. За одно лето он сорвал с меня всю скромность и правильность. Малинник, горячая баня, ночная река — страсть между нами не утихала. Но Вадим не просто горячий сосед. У него свое тяжелое прошлое, а у меня — страх довериться. Жаркое, сладкое, запретное лето, которое перевернуло мою жизнь с ног на голову.

© Раш М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мила Раш
Малиновое лето

«Малиновое лето»

Глава 1.

Я выхожу из старой пыльной маршрутки на обочине разбитой дороги, и жара сразу обрушивается на меня, как тяжелое влажное одеяло. Июль в Малиновке — это не просто лето. Это густой, сладкий воздух, пахнувший перегретой травой, спелой малиной и чем-то животным, диким. Чемодан тяжело катится по неровной земле, колесики то и дело застревают. Я уже жалею, что надела тонкий белый сарафан — ткань липнет к телу, а бретельки постоянно сползают с плеч.

Но внутри меня странное возбуждение. Я сбежала. Сбежала от Москвы, от защиты магистерской, от бывшего, который три месяца назад заявил, что я «слишком правильная и холодная в постели». Эти слова до сих пор сидят занозой где-то между ребрами. Поэтому я здесь — в бабушкином старом доме, где не была уже лет десять.

Дом встречает меня скрипучей калиткой и запахом старого дерева. Я толкаю дверь, и она поддается с тяжелым стоном. Внутри — полумрак и прохлада. Я сразу распахиваю все окна. Теплый ветер врывается в комнаты, принося с собой запахи лета. Я стаскиваю сарафан через голову, остаюсь в одних тонких трусиках и медленно прохожусь по дому, чувствуя, как солнце греет голую кожу через пыльные стекла.

Грудь тяжелеет от жары. Соски твердеют от легкого сквозняка. Я провожу ладонями по телу, будто пытаюсь стряхнуть с себя всю прошлую жизнь. Здесь я хочу быть другой. Хочу почувствовать себя живой.

На второй день я решаюсь разобрать вещи по-настоящему. Выхожу на участок в коротких джинсовых шортах и простой белой майке без лифчика. Темные волосы собраны в небрежный хвост, на лице — ни грамма косметики. Я хочу просто дышать.

Именно в этот момент я впервые вижу его.

Он стоит у забора, разделяющего наши участки, и заколачивает новые доски. Высокий. Очень высокий. Широкие плечи, загорелая кожа, покрытая тонким слоем пота. На нем только потрепанные рабочие шорты и старые ботинки. Татуировки сразу приковывают взгляд: на левом предплечье — компас и бурные волны, на правом — пчелиные соты, переходящие на грудь и исчезающие куда-то ниже. Я невольно представляю, как далеко они спускаются.

Он выпрямляется, поворачивается ко мне и смотрит.

Этот взгляд... Блин. Он не просто смотрит. Он раздевает меня глазами — медленно, нагло, без малейшего стеснения. Его взгляд скользит по моим ногам, задерживается на бедрах, поднимается к груди. Я чувствую, как соски мгновенно реагируют, натягивая тонкую ткань майки. Между ног становится горячо и влажно. Я сжимаю бедра, пытаюсь унять внезапную пульсацию.

— Ты, значит, внучка Анны Петровны? — низкий, чуть хриплый голос, от которого по позвоночнику пробегает дрожь.

— Да... Маша, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он вытирает руки о тряпку, не отводя от меня глаз. На его лице легкая щетина, челюсть крепкая, а глаза — темно-серые, почти волчьи.

— Вадим, — представляется он. — Живу вот тут, через забор. Если что-то нужно по дому — приходи. Не стесняйся.

Последние слова он произносит чуть тише, с легкой усмешкой, будто намекает: «приходи не только если что-то нужно».

Я киваю, пытаюсь улыбнуться спокойно, но внутри все кипит. Мне хочется подойти ближе, провести пальцами по его татуировкам, почувствовать, какой он на ощупь — горячий, твердый, потный от жары. Я представляю, как эти большие руки сжимают мои бедра, как он прижимает меня к этому самому забору и...

— Спасибо, — выдавливаю я. — Буду иметь в виду.

Вадим кивает, но не отходит сразу. Его взгляд снова опускается на мою грудь. Он явно видит, как торчат соски. И ему это нравится. Я вижу, как у него слегка напрягается челюсть.

— Жара сегодня, — говорит он, будто между делом. — Если захочешь искупаться — за домом у меня есть хороший пруд. Чистый.

— Я подумаю, — отвечаю я, чувствуя, как голос становится ниже.

Он улыбается уголком рта — дерзко, с вызовом.

— Думай недолго, Маша.

И возвращается к работе, но я замечаю, как он еще раз оборачивается, провожая меня взглядом, когда я иду обратно к дому. Я специально иду медленно, слегка покачивая бедрами. Пусть смотрит.

Закрыв за собой дверь, я прислоняюсь к ней спиной и тяжело выдыхаю. Сердце колотится. Между ног уже совсем мокро. Я запускаю руку в шорты и тихонько стону, проводя пальцами по набухшему клитору. Все это от одного взгляда. От одного разговора.

Кажется, это лето обещает быть не таким спокойным, как я планировала.

Глава 2.

Я пытаюсь сосредоточиться. Правда пытаюсь.

Сажусь за старым бабушкиным столом в одной длинной футболке, которая едва прикрывает бедра. Ноутбук открыт, текст магистерской мигает на экране, а я уже третий раз перечитываю один и тот же абзац про Тургенева и ничего не понимаю. Мысли постоянно возвращаются к Вадиму. К его взгляду. К тому, как он смотрел на мои соски вчера.

«Маша, возьми себя в руки», — строго говорю я себе внутри. Я же не какая-то легкомысленная девчонка. Я серьезная, только что защитилась, мне нужно писать, отдыхать, приходиться в себя после того придурка. А не фантазировать о соседе, которого знаю меньше суток.

Но тело меня не слушает.

Каждый раз, когда я слышу за окном стук молотка или низкий гул его голоса, между ног становится тепло и влажно. Я сжимаю бедра, пытаюсь игнорировать это предательское пульсирование, но оно только усиливается.

К вечеру я уже злюсь на себя. Встаю, чтобы сделать чай, и в этот момент слышу стук в дверь.

Сердце мгновенно подскакивает.

Я быстро смотрю на себя в старое зеркало: волосы растрепаны, щеки розовые, футболка слегка сползла с одного плеча. Я поправляю ее, одергиваю подол и иду открывать, стараясь выглядеть спокойно и прилично.

На пороге стоит Вадим.

В руке у него небольшая стеклянная банка с золотистым медом. На нем черная майка, которая обтягивает грудь и плечи, и те же рабочие шорты. От него пахнет дымом, деревом и чем-то сладким — наверное, медом.

— Принес тебе свежего, — говорит он низко, без лишних предисловий. — Сегодня откачивал. Самый первый урожай этого лета.

— Спасибо... — я беру банку, стараясь не коснуться его пальцев. Но все равно касаюсь. Кожа у него горячая.

Я чувствую, как соски снова напрягаются под тонкой тканью. «Маша, хватит», — мысленно одергиваю я себя. Но взгляд Вадима уже скользнул вниз и задержался там на секунду дольше, чем нужно. Он заметил.

— Заходи, если хочешь, — говорю я тихо, отступая в сторону. — Я как раз чай собиралась заваривать.

Он заходит, слегка наклоняя голову в дверном проеме — такой высокий. В доме сразу становится тесно от его присутствия. Он осматривается, потом садится за стол, широко расставив ноги. Я ставлю чайник и пытаюсь вести себя естественно, но руки немного дрожат.

— Ты здесь надолго? — спрашивает он, глядя, как я двигаюсь по кухне.

— На все лето. Хочу поработать над текстом, отдохнуть... — я пожимаю плечами. — После Москвы хочется тишины.

Вадим усмехается уголком рта.

— Тишины здесь мало. Особенно если я рядом.

Я оборачиваюсь и ловлю его взгляд. В нем столько открытого голода, что у меня перехватывает дыхание. Я быстро отворачиваюсь к полке, делая вид, что ищу ложки.

— Ты всегда такой прямолинейный? — спрашиваю я, стараясь звучать иронично, хотя голос слегка дрожит.

— Когда вижу то, что нравится — да.

Я ставлю перед ним кружку чая и сажусь напротив. Между нами — только стол и банка с медом. Но воздух кажется густым, тяжелым.

— Попробуй, — кивает он на банку.

Я открываю крышку. Запах невероятный — сладкий, цветочный, теплый. Я обмакиваю ложку и пробую. Мед густой, обволакивающий. Капля стекает по моей нижней губе. Я быстро слизываю ее языком.

Вадим смотрит на мой рот так, будто хочет сделать это вместо меня.

— Вкусно? — спрашивает он хрипло.

— Очень... — я облизываю ложку медленнее, чем нужно. Черт. Я не должна так себя вести.

Внутри я ругаю себя последними словами: «Маша, ты же приличная девушка. Ты не будешь флиртовать с первым встречным, как какая-то...». Но тело предает. Между ног уже совсем мокро, трусики прилипли. Я незаметно сжимаю бедра под столом.

Он берет свою ложку, набирает мед и вдруг протягивает мне.

— Открой рот.

Я замираю. Сердце колотится так, что, кажется, он слышит.

— Вадим... — начинаю я, пытаюсь возразить.

— Просто попробуй. С моей руки.

Я колеблюсь всего секунду. Потом приоткрываю губы. Он медленно вставляет ложку мне в рот. Я обхватываю ее языком, слизывая сладкую тягу. Его глаза темнеют. Пальцы, держащие ложку, слегка дрожат.

Когда он вытаскивает ложку, я непроизвольно облизываю губы. Вадим выдыхает сквозь зубы.

— Ты сама не понимаешь, что делаешь, да? — говорит он тихо.

— Что именно? — спрашиваю я, хотя прекрасно понимаю.

— Сидишь тут в одной футболке, смотришь на меня так, будто хочешь, чтобы я тебя прямо на этом столе... — он не договаривает, но взгляд заканчивает фразу за него.

Я краснею до корней волос. Внутри все сжимается от стыда и возбуждения одновременно.

— Я... я не специально, — бормочу я. — Просто жарко...

— Жарко, — повторяет он с усмешкой. — Конечно.

Он наклоняется ближе через стол. Теперь между нами меньше полуметра. Я чувствую запах его кожи — соль, солнце, дым от костра.

— Маша, — произносит он мое имя так, что у меня мурашки по всему телу. — Я вижу, как ты реагируешь. Как у тебя грудь поднимается чаще. Как ты сжимаешь ноги. Не надо притворяться скромной девочкой. Я же вижу.

Я опускаю глаза. Щеки горят. Мне хочется провалиться сквозь землю от стыда, но при этом я чувствую, как клитор пульсирует, а трусики окончательно промокают.

— Я правда... не такая, — шепчу я. — Я обычно не...

— Не что? — он протягивает руку и большим пальцем слегка касается моей нижней губы, стирая остаток меда. — Не мокрая от одного взгляда?

Я вздрагиваю от его прикосновения. Тело реагирует мгновенно — соски становятся каменными, между ног сладко ноет.

— Вадим... — я пытаюсь отстраниться, но не могу. Хочу, чтобы он продолжал.

Он убирает руку, но улыбка остается — дерзкая, уверенная.

— Ладно. Не буду тебя пугать в первый же вечер. Но знай... — он встает, и я невольно бросаю взгляд ниже. Под шортами явно заметна внушительная выпуклость. — Если решишь перестать себя сдерживать — я рядом.

Он идет к двери. Уже на пороге оборачивается:

— Спокойной ночи, Маша. И сладких снов.

Дверь закрывается. Я остаюсь сидеть за столом, тяжело дыша. Руки дрожат. Я запускаю пальцы под футболку и касаюсь груди — соски болезненно чувствительные. Потом спускаюсь ниже, в трусики. Я вся теку.

«Что ты творишь, Маша?» — шепчу я себе, но пальцы уже двигаются по клитору круговыми движениями. Я думаю о его татуированных руках, о низком голосе, о том, как он кормил меня медом с ложки.

Оргазм накрывает быстро и резко. Я кусаю губу, чтобы не застонать слишком громко, и дрожу, прислонившись лбом к прохладному столу.

Глава 3.

Жара в Малиновке стоит такая, что даже дышать тяжело. Уже четвертый день за тридцать, и воздух будто пропитан сладким соком спелой малины. Я решаю, что хватит прятаться в доме. Нужно заняться делом — собрать ягоды для варенья. Бабушка всегда говорила, что в июле без этого никак.

Я надеваю самое простое: легкое светлое платье на тонких бретельках, без лифчика, и старые кеды. Подол едва прикрывает середину бедер. В зеркале я выгляжу слишком... доступно. «Маша, надень что-нибудь нормальное», — говорю я себе строго. Но переодеваться уже лень, да и жара. Выхожу с двумя ведрами.

Малинник начинается сразу за нашим забором, густой и колючий. Я только успеваю углубиться в кусты, как слышу за спиной низкий голос:

— Одна туда полезла? Не боишься?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Вадим стоит в нескольких шагах, в черной майке, обтягивающей грудь, и шортах. На руках рабочие перчатки, но татуировки все равно видны. Он смотрит на меня так, будто я — самое вкусное, что он видел за последнее время.

— Я... просто собираю ягоды, — отвечаю я, стараясь звучать спокойно. — Не хочу тебя отвлекать.

— Не отвлекаешь, — он снимает перчатки и бросает их на траву. — Здесь змеи бывают. Да и колючки. Давай помогу.

Он не спрашивает разрешения. Просто берет второе ведро и встает рядом. Очень близко. Его плечо почти касается моего. От него пахнет солнцем, мужским потом и легким дымком от пачки. У меня сразу пересыхает во рту.

Мы собираем молча первые минут десять. Только шорох листьев и стук ягод о дно ведра. Но я постоянно чувствую его взгляд. Он не скрывается. Когда я тянусь за высокой веткой, платье задирается, и я знаю, что он видит мои бедра и край трусиков.

«Не думай об этом, Маша. Ты приличная девушка. Ты не для того сюда приехала», — твержу я себе, но тело уже реагирует. Соски твердеют и трутся о тонкую ткань. Между ног появляется знакомая влажная тяжесть.

— Осторожно, — вдруг говорит Вадим и кладет руку мне на талию, отводя колючий побег от моего лица. Его ладонь большая, горячая. Пальцы слегка сжимают меня сквозь платье.

— Спасибо... — шепчу я, не поднимая глаз.

Он не убирает руку сразу. Держит секунды три, проводя большим пальцем по моей пояснице. Я чувствую, как по коже разбегаются мурашки.

Мы продолжаем. Ягоды крупные, темно-бордовые, переспелые. Сок пачкает пальцы. Одна особенно сочная малина срывается у меня из рук и падает прямо за вырез платья, скапываясь между грудей и оставляя липкую сладкую дорожку.

Я тихо ахаю и пытаюсь достать ее рукой, но платье слишком узкое в груди.

Вадим останавливается. Смотрит на мою грудь, где под тонкой тканью явно видны два твердых бугорка.

— Разрешить? — спрашивает он хрипло.

Я замираю. Сердце колотится как бешеное.

— Вадим... это неудобно, — бормочу я, краснея. Внутри я кричу себе: «Скажи нет! Скажи, что сама достану!»

Но вместо этого я едва заметно киваю.

Он делает шаг ближе. Теперь мы стоим почти вплотную. Его тело излучает жар. Он медленно наклоняется, одной рукой придерживая меня за талию, а второй слегка оттягивая вырез платья. Я чувствую его горячее дыхание на своей коже.

А потом — его язык.

Медленный, горячий, уверенный. Он проводит им по ложбинке между моих грудей, вылавливая ягоду. Я тихо стону, не в силах сдержаться. Колени подкашиваются. Он слизывает сладкий сок, не торопясь, будто смакует. Его язык касается чувствительной кожи, кружит вокруг соска, не касаясь его напрямую, но так близко, что я выгибаюсь к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.